

МУШКИНЪ

1816—1825

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ
ПУШКИНЪ

1816—1825

ПО ДОКУМЕНТАМЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА

КН. П. П. ВЯЗЕМСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. Цитовича, Б. Итальянская, 11

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 іюня 1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Выдержки изъ писемъ Н. М. и Е. А. Карамзиныхъ, кн. П. А. Вяземскаго и А. И. Тургенева	11
II. Изъ біографіи О. С. Павлицевой, написанной сынѣмъ ея, Л. Н. Павлицевымъ	30
III. Записка графа Корфа	44
IV. Время съ 1820 по 1825 годъ	52

А. С. ПУШКИНЪ

(1816—1825)

ПО ДОКУМЕНТАМЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА

Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ извлечены изъ писемъ Н. М. и Ек. Андр. Карамзинныхъ къ князю Вяземскому; кн. П. А. Вяземскаго В. А. Жуковскому и А. И. Тургенева П. А. Вяземскому. Всѣ эти письма писаны отъ 1816 до 1825 года включительно. Скучныя свѣдѣнія дополнены выдержками изъ біографіи сестры поэта, О. С. Павлицевой, написанной ея сыномъ, Л. Н. Павлицевымъ, и изъ записки графа М. А. Корфа съ примѣчаніями кн. П. А. Вяземскаго въ защиту памяти поэта. Защиту его памяти мы считаемъ дѣломъ

излишнимъ, но дорожимъ каждымъ свѣдѣніемъ о гениальномъ русскомъ поэтѣ, хотя бы ему и въ укоръ передаваемымъ людьми ему близкими. А. С. Пушкинъ не могъ не знать всѣхъ сплетенъ, свивавшихся около его славнаго имени родными его, друзьями, завистниками и недругами. Въ письмѣ изъ Одессы 1824 года къ князю Вяземскому, Пушкинъ, говоря о бесполезности утраченныхъ записокъ Байрона, съ изумительнымъ краснорѣчіемъ обращается къ людямъ, потѣшающимся надъ слабостями великихъ людей. Конецъ обращенія его къ глумителямъ въ высшей степени краснорѣчивъ; «иначе» — поражаетъ блескомъ своего цинизма.

«Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р., украденные Савеловымъ — узнаю что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу на дняхъ, съ моего сельца С.-Петербурга.

«Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ на распаху и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонте. Мы съ тобою толкуемъ лишь о Цолевомъ да о Булгаринѣ, а они неснос-

ны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

«Твоя статья о Аббатствѣ Байрона? Что за чудо Донъ-Жуанъ: я знаю только 5 первыхъ пѣсень; прочитавъ первыя 2, я сказалъ тотчасъ Раевскому что это *chef-d'œuvre* Байрона, и очень обрадовался послѣ увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ Англ. языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я какъ А. Шенье могу ударить себя въ голову и сказать: *il y avait quelque chose là...* Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру; мочи нѣтъ сердитъ: не выпался и неся.

«Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своихъ враговъ— его бы уличили, какъ уличили Руссо — а

тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ гениемъ. Поступокъ Мура лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона, — довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. — Охота тебѣ видѣть его на с...ѣ. Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки, etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. *Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы!* Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ не такъ какъ вы — иначе! — Писать свои *mémoires* заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искреннимъ — невозможность физическая. Перо иногда останавливается, какъ съ разбѣга передъ пропастью на томъ, что посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно».

I.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ Н. М. и Е. А.
КАРАМЗИНЫХЪ, кн. П. А. ВЯЗЕМСКАГО и
А. И. ТУРГЕНЕВА.

Н. М. Карамзинъ въ письмѣ отъ 2-го
іюня 1816 года пишетъ съ своего новоселья:

«...О себѣ скажемъ, что мы живемъ по
здѣшнему въ пріятномъ мѣстѣ. Домикъ
изрядный, садъ прелестный; ѣзжу верхомъ,
ходимъ пѣшкомъ, и можемъ наслаждаться
уединеніемъ. Государя я не видалъ, могу
и не увидать. Ему докладывали о моемъ
пріѣздѣ. Онъ спрашивалъ (по словамъ
Ожаровскаго *), довольны ли мы домомъ,

*) Графъ Ожаровскій, генераль-адъютантъ, лицо
близкое Императору Александру и другъ Карам-
зина.

и проч. Въ Павловскомъ я былъ два раза: Императрица довольно привѣтлива. Осмотрѣвъ петербургскія типографіи, почти могу быть увѣреннымъ, что здѣсь нельзя печатать мнѣ исторіи; слѣдственно ждите насъ въ августѣ. Жить дорого до крайности. Арзамасцы любезны по старому. Насъ посѣщаютъ питомцы лицея: поэтъ Пушкинъ, историкъ Ломоносовъ, и смѣшатъ своимъ добрымъ простосердечіемъ. Пушкинъ остроуменъ».

Въ любопытномъ письмѣ Е. А. Карамзиной, отъ 13-го іюля того же года, которое мы печатаемъ цѣликомъ ради его исторической важности, и хотя Пушкинъ упоминается въ немъ лишь вскользь, какъ школьникъ, но однако уже какъ одно изъ малочисленныхъ лицъ, близкихъ Петру Андреевичу и проживавшихъ въ Царскомъ Селѣ. Всѣ письма и приписки Екатерины Андреевны писаны по французски:

«Тому уже нѣсколько дней что мы не писали вамъ, дорогіе друзья, но придворные вечера и утомительныя прогулки лишали насъ этого удовольствія. Вы требуете подробностей: я опишу вамъ день, проведенный въ Царскомъ Селѣ у Госу-

даря. Въ одинъ изъ четверговъ, день въ который я встрѣчаюсь съ Государемъ въ саду, онъ ко мнѣ подошелъ; мы очень пріятно ведемъ бесѣду цѣлѣе четверть часа; расстаемся; каждый уходитъ въ свою сторону; я о немъ перестала уже и думать, какъ вдругъ я снова вижу его передъ собой; я пачинаю извиняться за мою неловкость, что я прерываю его императорскія думы, онъ же мнѣ отвѣчаетъ любезностями. Эти вторые четверть часа оканчиваются любезнымъ приглашеніемъ къ нему на обѣдъ на слѣдующій день. Вы понимаете, что приглашеніе принято съ благодарностію, и приведено въ исполненіе въ пятницу съ удовольствіемъ. Вотъ мы въ первый разъ запросто, при большемъ дворѣ. Дворъ и свита Императрицы-матери, нѣсколько генераловъ, князь Голицынъ, г. Капо Д'Истріа и ваши покорнѣйшіе слуги составляли все общество, не считая Хозяевъ дома и трехъ фрейлинъ. Послѣ окончанія обхода, гдѣ все Семейство было со мной весьма любезно, и въ особенности Хозяева, мы пошли обѣдать. За столомъ Государь нѣсколько разъ ко мнѣ обращался; затѣмъ мы пе-

решили пить кофе на колоннаду при страшномъ вѣтрѣ, надувавшемъ наши юбки какъ паруса; это однако не помѣшало находить погоду прелестной, хотя всѣ отъ холода дрожали, и кататься въ линейкахъ по Александровскому парку (мы и обѣдали не въ большомъ дворцѣ, а въ Александровскомъ, который восхитителенъ). Гулянье наше окончилось около шести часовъ; въ семь часовъ мы собрались на колоннаду въ большомъ дворцѣ, а оттуда поѣшли пѣшкомъ на большое озеро въ саду; здѣсь насъ ожидали лодки, и мы совершили восхитительную прогулку, такъ какъ погода совсѣмъ стихла; гулявшіе въ саду, собиравшіеся въ кучки, представляли оживленное зрѣлище; надо знать садъ, чтобы имѣть вѣрное понятіе объ этой прекрасной подвижной картинѣ. Мы вышли на пустынный островъ; здѣсь насъ ожидало угощеніе; Хозяинъ и Хозяйка превзошли себя въ искусствѣ чествовать своихъ гостей. Я расскажу вамъ самыя выдающіяся черты относительно меня самой. Государь послѣ того что подходилъ много разъ ко мнѣ, чтобы говорить мнѣ весьма любезныя вещи, въ то время какъ подавали

чай—подозвалъ подававшаго, предложилъ мнѣ чаю, самъ налилъ и самъ поднесъ мнѣ самымъ любезнѣйшимъ образомъ и все время продолжая разговоръ. Какъ скоро онъ удалился, Императрица Елисавета замѣнила его, нашла что я сижу непокойно, поднесла мнѣ стулъ, настаивала чтобы я сидѣла пока она стоитъ; я ее умоляю чтобы она позволила мнѣ также стоять, тогда она приказываетъ поставить стулъ рядомъ съ моимъ, и тутъ я начинаю совершенно дружески съ нею разговаривать. Десять минутъ послѣ нашего разговора засѣданіе окончено, садятся снова въ шлюпки, и счастливый день заканчивается счастливо, причаливъ къ пристани. По окончаніи всего этого всѣ пошли спать—одни съ своими женами, а другіе одинешеньки. Мы же не легли спать, потому что Каподистрія съ Севернымъ пришли къ намъ чай пить, и часъ съ ними проведенный былъ не изъ менѣ пріятныхъ всего дня. Изъ всего этого вы можете заключить, что съ нами обращаются отлично, и ваше заключеніе будетъ совершенно осповательно; также безспорно и то, что все Семейство привлека-

тельной доброты, особенно Государь, который къ этому присоединяетъ необыкновенную любезность, преисполненную очарованія. Жена его—Грація, но уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, сохранившая въ голосѣ прелесть, проникающую прямо въ сердце, и ангельскую чувствительность, и нѣжность во взорѣ. Не смотря на все это, не смотря на блестящую и чарующую прелесть, меня окружающую, взоры мои, мысли, чувства влекутъ меня въ Москву, спокойное убѣжище, гдѣ лѣнь моя имѣла возможность отдыхать въ покоѣ. Я до сихъ поръ не сжилась съ окружающимъ меня туманомъ, и я вздыхаю по моей спокойной ничтожности. На послѣдокъ я передаю мою участь въ руки того, кто ею управитъ лучше меня и который самъ будетъ направленъ тѣмъ Всеблагимъ Существомъ, которое видятъ души насъ обоихъ чистыми и непорочными. Возвращаюсь снова къ празднествамъ. Мы собираемся на петергофскій. Государь былъ такъ добръ, что подумалъ о насъ, и мы будемъ имѣть комнаты, а не то трудно было бы удовлетворить наше любопытство; по возвращеніи сообщу вамъ описаніе. Письмо это

и сообщаемое описаніе навѣрно не имѣютъ такой пикантности, какъ письмо отъ 29-го іюня, вчера полученное; оно очень насмѣшило насъ благодаря тому, что страшная опасность такъ хорошо обошлась, но въ другой разъ подражайте Государю, который, катая своихъ гостей въ лодкахъ, никого не тощитъ. Излишне вамъ говорить, что 29 и 12 мы праздновали елико было возможно, и цили за ваше здоровье, захвативъ всѣхъ кто принимаетъ въ васъ участіе: г-жа Огарева и маленькій Пушкинъ пившій отъ всего сердца за ваше здоровье. Что касается до меня, дорогой мой другъ, я люблю вамъ говорить и повторять какъ я васъ нѣжно люблю, и что одно ваше слово сказанное съ чувствомъ запечатлѣвается въ моемъ сердцѣ. *Это письмо запоздало. Вы удивляетесь откуда оно взялось* *)? Я хотѣла угодить княгинѣ Вѣрѣ; она меня просила подробностей, но онѣ только для васъ и для Рябицина, которому вы ихъ сооб-

*) Напечатанное курсивомъ—и въ письмѣ по-русски. Екат. Андр. объясняетъ кн. Петру Андреевичу свою не обычную сообщительность.

щите. Вы видите что я не измѣняю моихъ привычекъ: все тѣ же каракули, но я не церемонюсь съ друзьями; вы ихъ никому не показывайте».

Отъ 30 сентября 1818 года Н. М. Карамзинъ пишетъ изъ Царскаго Села:

«Думаемъ къ 7 октября переѣхать въ городъ, читать корректуры; дѣлать визиты, большею частію пустые; пить чай съ Тургеневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ; одинъ разъ въ недѣлю кричать съ глухимъ канцлеромъ, etc.».

Отъ 12 мая 1819 года изъ Царскаго Села Карамзинъ пишетъ: «Очень благодарю за мѣт. d'un homme célèbre, etc.; немедленно отправлю все къ Пушкину черезъ Тургенева».

Письмо Екат. Андр. отъ 23 марта 1820 заключаетъ характеристическія свѣдѣнія объ А. С. Пушкинѣ и о тѣсномъ кружкѣ друзей Н. М. Карамзина. «Что касается до насъ, то я полагаю, что праздники мы проведемъ какъ и великій постъ, т. е. въ совершенномъ одиночествѣ. Александръ Тургеневъ съ своимъ братомъ. Сергѣемъ уѣхалъ въ Москву. Повидимому, послѣднему не очень понравились сноше-

нія съ моимъ мужемъ; уѣзжая на неопредѣленное время въ Константинополь, онъ даже не далъ себѣ труда зайти къ намъ проститься. Кто знаетъ, милый князь Петръ, кто знаетъ, можетъ быть настаетъ время, когда живя въ одномъ съ нами городѣ, вы насъ также не будете посѣщать, потому что ваша братья либералы, тѣмъ не менѣе весьма не терпимы; надобно имѣть одни и тѣ же взгляды, а не то не только нельзя друга друга любить, но даже и видѣться нельзя; я шучу, помѣщая васъ въ это число: характеръ моего мужа мнѣ порука, что мы останемся братьями, не смотря на политическія мнѣнія. Жуковскій навѣщаетъ насъ разъ въ мѣсяць. Г. Пушкинъ всякій день имѣетъ дуэли; благодаря Бога онѣ не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы. Г. Муравьевъ печатаетъ свою критику на исторію моего мужа. Вы видите изъ этого краткаго обзора, что наше положеніе плохо въ томъ обществѣ, которое навѣщало насъ съ большимъ постоянствомъ; но, увы, надо находить утѣшеніе, и благодаря Бога мы не слишкомъ унываемъ. Мой мужъ занимаетъ

ся своей исторіей съ большей усидчивостью чѣмъ когда либо, а я (какъ муха на возу) — ее переписываю. Мы уже помышляемъ о Царскомъ Селѣ; намъ приготавливаютъ уже нашъ домикъ. Семейство наше здравствуетъ, и мы хоромъ благодаримъ за то Бога. Тѣ же молитвы приношу за всѣхъ васъ, мои друзья, какъ за себя и за моихъ; цѣлую васъ съ большой нѣжностью и предоставляю себѣ въ слѣдующую среду сказать вамъ Христосъ воскрес!»!

Къ этому письму, писанному Екатериной Андреевной, по обычаю, по французски, Николай Михайловичъ приписалъ, какъ и всегда, по русски: «Обнимаю васъ, любезнѣйшіе друзья, прочитаю не безъ улыбки что пишеть къ вамъ жена о либералахъ, которые нелиберальны даже и въ разговорахъ, а я стараюсь быть либеральнымъ и на дѣлѣ, и въ такихъ случаяхъ... Но теперь не имѣю времени болтать. Скажу только, что люблю васъ, и нѣжно. Будьте, милые, всѣ здоровы и благополучны! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ».

О дуэляхъ Пушкина упоминается и въ выдержкахъ изъ біографіи Павлищевой и

въ запискѣ графа М. А. Корфа (см. ниже, гл. III, стр. 50).

Въ письмѣ Н. М. Карамзина и Е. А. весьма ясно звучить строгій насмѣшливо-саркастическій тонъ, съ значительной примѣсью высокоумія. Тонъ этотъ даже изумительно напоминаетъ тѣ письма, которыя кн. Андрей Ив. писалъ моему отцу въ послѣдніе годы жизни. Не мудрено, что и А. Пушкинъ съ горечью вспоминалъ объ отношеніяхъ къ нему Карамзина.

Такъ, въ письмѣ изъ Михайловскаго, отъ 10-го іюня 1826 года, онъ пишетъ князю Петру Андреевичу:

«Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, что ты называешь мои эпиграммы противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда К. меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Уже ли ты мнѣ ихъ приписываешь? Во-вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подде-

цами? Ахъ, милый, слышать обвиненіе не слыша оправданія, и рѣшить: это Шемякинъ судъ. Если ужъ Вяземскій—такъ что же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю».

Двѣ эпиграммы Пушкина (1818 года) на Карамзина напечатаны въ первомъ томѣ его сочиненій (изд. 1880, стр. 212).

Двѣ эпиграммы на Аракчеева (1820 года; въ томъ же изданіи) несомнѣнно были, и даже на первомъ планѣ, въ числѣ эпиграммъ, упоминаемыхъ Н. М. Карамзинымъ.

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 17 мая 1820 года Карамзинъ вкратцѣ упоминаетъ объ исходѣ перваго акта Пушкинской драмы въ связи съ политическими событіями того времени въ Европѣ. 1-го (13) февраля 1820 года былъ убитъ въ Парижѣ герцогъ Беррійскій.

«Богъ знаетъ какъ долго не получали ни строки изъ Варшавы. Даже и Тургеневъ жаловался на ваше молчаніе. Впредь не желаемъ имѣть такого безпокойства. Готовитесь ли къ сейму, и что сочиняете: рѣчи ли, конституцію ли? Гишпанцамъ желаю добра, а едва ли придется мнѣ и съ вами идти къ нимъ пѣшкомъ.

Клобами и журналами не прельщаюсь. И у насъ проявились смѣльчаки: графъ Хвостовъ дерзнулъ сказать (въ стихахъ на убіеніе Берри), что не должно рѣзать людей: онъ ждетъ великодушно смерти отъ руки какого-нибудь Занда! Не выдумываю, а слышалъ отъ него самого. Между тѣмъ А. Пушкинъ былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ пинтическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ. Далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять; ему дали рублей тысячу на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронуть великодушіемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чертомъ еще до отбытія своего въ адъ. Увидимъ, какой эпилогъ напишетъ къ своей поэмкѣ! Простите, милые друзья, родители и дѣтки! Будьте всѣ здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ».

Поэмка эта—«Русланъ и Людмила», а эпилогъ, напечатанный въ «Сынѣ Отечества» того же года, помѣченъ: 26 іюня 1820 года. Кавказъ.

Хожденіе пѣшкомъ въ Испанію объя-

сняется предшествовавшимъ письмомъ отъ 12 апрѣля: «Исторія Гншпаніи очень любопытна, боюсь только фразъ и крови. Конституція кортесовъ есть чистая демокрація à quelque chose près. Если они устроятъ государство, то обѣщаюсь идти пѣшкомъ въ Мадридъ, а на дорогу возьму донъ-Кншота или Кихота. Что сказалъ бы вашъ незабвенный Батонди? Ah, Monsieur! je vous predis qu'il y aura quelque chose! Пророковъ у насъ бездна. Канцлеръ, гр. Румянцевъ, именно предсказалъ революцію въ Гншпаніи: я слышалъ своими ушами гласъ Іереміи! Будетъ ли лучше, будетъ ли хуже? Послѣднее (увы!) обыкновеннѣе. Впрочемъ, есть горка на землѣ, откуда все кажется совершеннымъ: тамъ, гдѣ мы стоимъ съ мыслью о Провидѣніи! Довольно.

«Пишетъ ли вамъ Тургеневъ изъ Москвы? Онъ блещитъ тамъ своею звѣздою; бодрствуетъ на обѣдахъ и дремлетъ на вечерахъ. Ждемъ его съ нетерпѣніемъ. Простите, любезнѣйшіе, нѣжно», etc.

12-го декабря 1812 года Н. М. Карамзинъ пишетъ изъ Нижняго: «Вѣсти остафьевскія насъ крайне огорчили. Любезный Батонди скончался, какъ всегда

желалъ—ударомъ. Бѣдный! Онъ не имѣлъ утѣшенія рассказать намъ о своихъ приключеніяхъ; я плакалъ о немъ искренно. Миръ его праху. Надѣюсь побывать у него въ гостяхъ на могилѣ».

Въ примѣчаніи къ этому письму кн. П. А. Вяземскій говоритъ: «Батонди, о которомъ въ письмѣ упоминается, былъ старикъ итальянецъ, чужакъ, и существо неспрагаданное. Онъ еще отцемъ моимъ былъ принятъ въ домъ нашъ и перешелъ къ намъ по наслѣдству. Никто изъ насъ не могъ провѣдать о происхожденіи и прежней жизни его. Во время пребыванія французовъ въ Москвѣ онъ жилъ у меня въ селѣ Остафьевѣ, и вѣроятно содѣйствовалъ сохраненію дома и почти всего, что въ немъ было».

Письма Карамзиныхъ, характеризующія первый актъ драматической жизни Пушкина, недостаточно выражаютъ почти сыновнія отношенія Пушкина къ Карамзинымъ. Въ письмѣ В. А. Жуковскаго къ отцу Пушкина, отъ 15 февраля 1837 года, отношенія эти ярко обрисовываются при прощаніи Пушкина съ жизнію:

«Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣ-

лать свой земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ онъ сказалъ Спасскому: *Смерть идетъ*. Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, что хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: *Карамзину!* Ея не было, за нею немедленно послали и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: «*Перекрестите меня*», и потомъ поцѣловалъ у нея руку».

Въ письмахъ Карамзина замѣтно строгое, родительское и даже высококомѣрное отношеніе къ гениальному юношѣ. Это замѣтно изъ двухъ писемъ Карамзина 1820 года, напечатанныхъ Гротомъ и Пекарскимъ въ 1866 году. Нѣтъ сомнѣнія, что увлеченія первой молодости Пушкина должны были производить сильное впечатлѣніе въ пуританской атмосферѣ, въ которой жилъ Карамзинъ, а гениальность Пушкина привлекала всѣ взоры на такія шалости, которыя изъ года-въ-годъ повторяют-

ся среди столичнаго юношества, оканчивающаго свое школьное образованіе или уже выступившаго на дѣятельное поприще. Въ запискѣ Павлицева, племянника А. С. Пушкина, упоминается о двухъ дуэляхъ, которыя только доказываютъ, что геніальный юноша долго оставался задорнымъ ребенкомъ.

Прежде однако чѣмъ передавать подробности объ отроческихъ годахъ Пушкина, сохранившіяся въ запискѣ Павлицева, помѣщаемъ здѣсь, вслѣдъ за строгими отзывами Карамзина о Пушкинѣ, отзывы кн. П. А. Вяземскаго и А. И. Тургенева.

Талантъ Пушкина весьма рано возбудилъ восторгъ князя Вяземскаго. Въ письмѣ къ Жуковскому изъ Варшавы, отъ 25 апрѣля 1818 года, кн. Петръ Андреевичъ пишетъ:

«Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. *Въ дыму столѣтій!* Это выраженіе городъ. Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ, не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь ли, что Державинъ испугался бы

дыма столетій? О прочихъ и говорить нечего!»!

Кн. П. А., несмотря на восторгъ, все-таки видитъ въ Пушкинѣ только племянника Василья Львовича. Тургеневъ же, помѣстившій Пушкина въ лицей, и по окончаніи въ немъ курса поэта не зналъ что дѣлать съ нимъ, точно курица высижившая утятъ.

Въ письмѣ отъ 25 февраля А. И. Тургеневъ по поводу «Руслана и Людмилы» высказываетъ свои заботы о Пушкинѣ:

«Племянникъ почти кончилъ свою поэму, и на сихъ дняхъ я два раза слушалъ ее. Пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, личной для него. Увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и слѣдовательно уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станеть уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ; но по выходѣ въ печать его поэмы—будутъ писать на немъ если не парикъ академическій, то по крайней мѣрѣ не первостепеннаго повѣсу; а кто знаетъ? можетъ быть схватятъ и въ академію. Тогда и поминай какъ звали! И Жуковскій сталъ

не тотъ съ тѣхъ поръ, какъ завербованъ».

Достаточно видно, какъ много бѣдный Пушкинъ настрадался смолоду отъ своихъ родныхъ и друзей. Не даромъ онъ любилъ повторять слова французскаго героя: «Защити меня, Господи, отъ моихъ друзей, а враговъ я беру на себя».

II.

ИЗЪ БІОГРАФІИ О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ,
НАПИСАННОЙ СЫНОМЪ ЕЯ, Л. Н. ПА-
ВЛИЩЕВЫМЪ.

Въ дополненіе къ тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ о первой молодости А. С. Пушкина, которыя сохранились въ перепискѣ кн. П. А. Вяземскаго, помѣщаю здѣсь выписки изъ воспоминаній Павлищева о матери своей, Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой, родной сестрѣ Александра Сергѣевича. Біографическій очеркъ этотъ кажется доселѣ не былъ напечатанъ. Списокъ съ помѣтами кн. П. А. Вяземскаго сохранился въ бумагахъ покойнаго. Предсказаніе о насильственной смерти поэта приписывается Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой, занимавшейся хиромантіею. Біографиче-

скій очеркъ переполненъ разказами о видѣніяхъ, галлюцинаціяхъ и столоверченіяхъ. Въ запискѣ Павлицева упоминаются двѣ дуэли, доказывающія только, что геніальный юноша долго оставался задорнымъ ребенкомъ, и едва ли не до конца жизни. Если бы Пушкинъ озабоченъ былъ сдерживаніемъ своихъ порывовъ и методическимъ пользованіемъ своими способностями, то онъ не могъ бы быть тѣмъ Пушкинымъ, которому Россія поставила памятникъ.

Сергѣй Львовичъ, получивъ современное французское образованіе, предавался главнымъ образомъ изученію французской литературы, писалъ превосходные французскіе стихи, даже цѣлыя повѣсти въ стихахъ, уцѣлѣвшія въ альбомѣ г-жи Волловской въ Варшавѣ. Дѣдъ мой замѣчательнъ былъ какъ искусный актеръ-любитель, каламбуристъ и вообще какъ свѣтскій человекъ. Но Сергѣй Львовичъ въ бесѣдахъ своихъ не любилъ касаться ни политическихъ, ни экономическихъ вопросовъ, хотя не лишенъ былъ знаній въ этомъ отношеніи. Не любилъ тоже пу-

скаться въ философскія пренія; помимо того, что перечиталь у себя въ кабинетѣ всѣ произведенія энциклопедистовъ Вольтеровской эпохи, онъ имѣлъ особенное расположеніе къ стихотворству. И не мудрено, что всѣ въ его домѣ занимались писаніемъ стиховъ: даже въ передней Пушкиныхъ водились доморощенные стихотворцы изъ многочисленной дворни обоего пола, знаменитый представитель которой, камердинеръ Никита Тимоѣевичъ, состряпаль даже пѣято въ родѣ баллады, передѣланной изъ сказокъ о Соловьѣ разбойникѣ, богатырѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ и царевнѣ Милкитрисѣ Кирбитьевнѣ. Рукопись Тимоѣевича, какъ курьезъ, долгое время хранилась у моей матери, и затерялась во время переѣзда нашего изъ Варшавы въ Петербургъ въ 1851 году.

Въ Петербургѣ Сергѣй Львовичъ вошелъ, чрезъ своего брата Василья Львовича, въ дружескія связи съ первоклассными тогдашними литераторами. Батюшковъ, Дмитріевъ, Жуковскій и князь Вяземскій сдѣлались обычными посѣтителями его дома. Впослѣдствіи, съ выпускомъ Александра Сергѣевича изъ лицея, а Льва

Сергѣевича изъ университетскаго пансіона, литературный кружокъ Пушкиныхъ увеличился друзьями молодаго поэта—барономъ М. А. Корфомъ, барономъ А. А. Дельвигомъ, В. В. Кюхельбекеромъ, А. С. Грибоѣдовымъ, П. А. Плетневымъ, Е. А. Баратынскимъ и С. А. Соболевскимъ. Ольга Сергѣевна превосходно очертила каждого изъ нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Всѣ эти и другія болѣе или менѣе замѣчательныя личности не могли не имѣть вліянія на развитіе умственной дѣятельности моей покойной матери.

Кромѣ того, обычными посѣтителями дѣда моего были французскіе эмигранты. Изъ нихъ назовемъ графа Бурдибура, Камара, виконта Сентъ-Обена, а главное графа Ксавье де-Местра, автора: «*Voyage autour de ma chambre*»...

Гувернеровъ и гувернантокъ изъ иностранцевъ у молодыхъ Пушкиныхъ перебывало множество до вступленія Александра Сергѣевича въ лицей. Всѣ почти науки преподавались Ольгѣ Сергѣевнѣ и Александру Сергѣевичу этими господами. Первымъ воспитателемъ обоихъ дѣтей былъ графъ Монфоръ, затѣмъ Русло, котораго

смѣнили Шедель. Эти два послѣдніе французса стояли въ педагогическомъ отношеніи ниже всякой критики. Несносный, капризный самодуръ Русло, имѣвшій претензію писать французскіе стихи не хуже Корнеля и Расина, изливалъ свою злобу на Александра Сергѣевича всякій разъ, когда заставлялъ его въ дѣтской за подобными же упражненіями въ стихотворствѣ. Тогда онъ жаловался Надеждѣ Осиповнѣ, въ глазахъ которой дѣти всегда были виноваты, а самодуръ правъ. Гувернантки были сноснѣе.

Такимъ образомъ первоначальное воспитаніе моей матери и брата ея находилось въ рукахъ этихъ господъ и госпожъ. Къ счастью, господамъ иностранцамъ не отдали въ распоряженіе русскій языкъ и православный катехизисъ!

Бабуа дѣтей, Марья Алексѣевна—изящнымъ слогомъ которой любовались всѣ читавшіе ея письма—обучала своихъ внуковъ отечественному языку, а священникъ Александръ Ивановичъ Бѣлковъ преподавалъ имъ Законъ Божій. Обладая въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, онъ перевелъ «Духъ Массильона», и какъ про-

повѣдникъ отличался силою своего краснорѣчія. Въ гостиной Пушкиныхъ бесѣдовалъ онъ съ французскими эмигрантами на ихъ же языкѣ, опровергая остроумно философскія убѣжденія этихъ господъ.

Съ нимъ только и съ Марьей Александровной дѣти разговаривали по русски. Сергѣй Львовичъ по вечерамъ занималъ ихъ мастерскимъ чтеніемъ французскихъ классиковъ, въ особенности Мольера.

Отношенія матери моей къ своему брату, поэту, были самыя дружественныя. Она въ дѣтствѣ еще критиковала его комедію: «L'Escamoteur», а онъ, будучи въ лицѣ—въ 1814 году—написалъ ей извѣстное посланіе.

По воскресеньямъ и праздникамъ родные посѣщали царскосельскихъ питомцевъ. Тутъ Александръ Сергѣевичъ читывалъ сестрѣ свои поэтическія произведенія, и спрашивалъ ея совѣтовъ, сознавая всю тонкость ея вкуса и мѣткость ея замѣчаній. Она съ своей стороны обмѣнивалась съ нимъ мыслями и сама старалась развивать свое нравственное образованіе.

Весну и лѣто Пушкины проводили въ Михайловскомъ, въ сосѣдствѣ съ мно-

гочисленной семьей Ганибаловъ, представителями которыхъ были неисчерпаемые въ веселости своей и хлѣбосольствѣ дяди Ольги Сергѣевны — Петръ, Павелъ и Семень Исааковичи, сыновья Исаака Абрамовича. Изъ нихъ отставной подполковникъ Семень Исааковичъ придумывалъ всевозможныя увеселенія, среди которыхъ и былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Александръ Сергѣевичъ очень любилъ его, помимо того что однажды—это было вскорѣ послѣ его выпуска изъ лицея—чуть было не вызвалъ его на дуэль за то, что С. И. въ одной изъ фигуръ мазурки завладѣлъ его дамой, дѣвицею Л—вой, къ которой Александръ Сергѣевичъ былъ не совсѣмъ равнодушенъ. Дѣло между дядей и племянникомъ кончилось, разумѣется, мировой и новыми увеселеніями.

Ольга Сергѣевна разлучилась съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ въ 1820 году, когда онъ, какъ извѣстно, былъ удаленъ изъ Петербурга; возвратился онъ въ Михайловское только въ сентябрѣ 1824 года. Въ 1826 году младшій ея братъ, Левъ Сергѣевичъ, записался втайнѣ отъ роди-

телей, прочившихъ его въ гражданскую службу — въ Нижегородскій драгунскій полкъ, и уѣхаль изъ Петербурга.

И Александръ Сергѣевичъ и Левъ Сергѣевичъ бѣжали, можно сказать, изъ дома. Первый чуть ли не нарочно провинился стихами, чтобы его выслали изъ Петербурга, а второй тайкомъ записался въ Нижегородскій драгунскій полкъ, какъ о томъ выше сказано. Мать моя выдержала ярмо дольше всѣхъ.

Въ томъ же альбомѣ (завѣщанномъ Л. Н. Павлицеву) списаны Ольгою Сергѣевной лучшія русскія стихотворенія ея брата и другихъ писателей, а также ея собственныя. Къ сожалѣнію, мать моя не подъ каждымъ изъ нихъ подписывала фамилію авторовъ. Но въ числѣ этихъ поэтическихъ произведеній помѣщено два, которыя приписываются Ольгѣ Сергѣевнѣ ея друзьями. Мать моя, по скромности своей, на мои вопросы, кто ихъ сочинилъ, отвѣчала улыбаясь: «Отгадай, не скажу». Первая изъ этихъ пьесъ: «Пушкинъ» сочинена, когда братъ ея, высланный изъ Петербурга, плѣнялъ своею лирою Бесса-

рабію и Кавказъ. Вотъ какъ онъ былъ
воспѣтъ по всей вѣроятности сестрою:

Пушкинъ.

Еще въ младенческія лѣта
Являлъ онъ къ пѣснямъ дивный даръ,
И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.
Не измѣнилъ онъ назначенью,
Главы предъ рокомъ не склонялъ,
И вѣрный тайному влеченью
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Въ печальной участи изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Златое сѣмя дарованья,
Какъ пышный цвѣтъ созрѣло въ немъ.
Онъ пѣлъ въ Степяхъ подъ игомъ скуки,
Влача свой странническій вѣкъ,
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ.
Внимая пѣснопѣньямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли,
И въ упоеньи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ.

Вторая пьеса: «*Разувѣреніе*», въ кото-
рой Ольга Сергѣевна говоритъ отъ имени
царскосельскаго товарища Александра Сер-

гѣевича, В. В. Кюхельбекера, написана по случаю упрека, сдѣланнаго Кюхельбекеру моимъ дядей за обидчивый характеръ, причемъ Александръ Сергѣевичъ сказалъ ему: «Тяжелый у тебя нравъ, братъ Кюхля! Вспомни мое слово: Ни любовницы, ни друга не познать тебѣ во вѣкъ». Пушкинъ, впрочемъ надо замѣтить, очень любилъ брата Кюхлю (такъ онъ всегда называлъ его), и только разъ повздорилъ съ нимъ изъ-за какихъ-то пустяковъ, вслѣдствіе чего, рассказывала мнѣ Ольга Сергѣевна, секунданы повздорившихъ, ихъ же закадычные друзья, поставивъ поединщиковъ на дистанцію въ дѣсяти шагахъ, вручили имъ по карманному пистолетику, не бывшему и на пять шаговъ. Результатомъ поединка было, конечно, искреннее примиреніе друзей и смѣхъ не малый.

Вотъ стихи «*Разувѣреніе*»:

Не мани меня, надежда,
Не прельщай меня мечта!
Ужъ нельзя мнѣ всей душою
Вдаться въ сладостный обманъ.
Ужъ унесся предо мною
Съ жизни жизненный туманъ.

Неожиданная встрѣча
Съ сердцемъ, любящимъ меня,
Мнѣ-ль тобою восхищаться,
Мнѣ-ль противиться судьбѣ,
Я боюсь тебѣ вѣряться,
Я не радуюсь тебѣ!

Надо мною тяготѣть
Клятва друга первыхъ лѣтъ,
Юношей связали музы,
Радость, молодость, любовь,
Я расторгъ святыя узы!
Онъ въ толпѣ моихъ враговъ!

*Ни любовницы, ни друга,
Не имѣть тебѣ во стѣхъ—
Молвилъ гнѣвомъ вдохновенный,
И пропалъ мнѣ изъ очей.
Съ той поры уединенный
Я скитаюсь межъ людей.*

Разъ еще я видѣлъ счастье,
Видѣлъ на глазахъ слезу,
Видѣлъ нѣжное участие,
Но, прости меня, пѣвецъ,
Ужъ предвижу я ненастье,
Для меня-ль союзъ сердецъ?

Что-же роковая пуля
Не прервала дней моихъ?
Что-жъ для новаго изгнанья
Не подводятъ мнѣ коня?
Въ тихой тѣмѣ воспоминанья
Ты-бъ не разлюбилъ меня.

Послѣдній выписываемый нами эпизодъ изъ біографіи О. С. Павлицевой не принадлежитъ той же эпохѣ, но мы приводимъ эту характеристическую черту, такъ какъ весьма вѣроятно намъ не придется болѣе возвращаться къ сему біографическому очерку.

«27 января 1828 года, въ часъ полуночи, Ольга Сергѣевна вышла изъ дому; у воротъ ждалъ ее отецъ мой. Они сѣли въ сани и поскакали въ церковь Св. Троицы Измайловскаго полка, гдѣ и обвѣнчались въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, друзей жениха, а именно двухъ офицеровъ Измайловскаго (В. и Б.) и двухъ гвардейскихъ Конноегерскаго полка (В. и Т.).

«Послѣ вѣнца Николай Ивановичъ отвезъ свою супругу назадъ къ родителямъ, а самъ отправился къ себѣ домой. Ольга Сергѣевна рано утромъ послала за братомъ, Александромъ Сергѣевичемъ, жившимъ тогда особо въ Демутовой гостиницѣ. Онъ тотчасъ прискакалъ, и послѣ переговоровъ съ родителями далъ знать Николаю Ивановичу, чтобы тотъ немедленно явился.

«Новобрачные пали къ ногамъ родителей и получили прощенье. Но прощенье Надежды Осиповны было неполное: она до самой своей смерти дулась на зятя. Сергѣй же Львовичъ, напротивъ того, любилъ его какъ роднаго сына.

«Когда объ этомъ происшествіи доложено было Государю Императору с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, то его величество спросилъ, нѣтъ ли жалобы съ чьей либо стороны, и на отрицательный отвѣтъ оберъ-полицеймейстера, соизволилъ сказать: «Такъ оставить безъ послѣдствій», — чему былъ очень радъ Николай Ивановичъ, и въ особенности его свидѣтели».

По этому же случаю Александръ Сергѣевичъ сказалъ сестрѣ: «Ты мнѣ испортила моего Онѣгина: онъ долженъ былъ увезти Татьяну, а теперь... этого не сдѣлаетъ».

III.

ЗАПИСКА ГРАФА КОРФА.

Въ 1872 году Н. П. Барсуковъ сообщилъ кн. П. А. Вяземскому копию съ записки графа М. А. Корфа объ А. С. Пушкинѣ съ просьбой сдѣлать на нее замѣчанія. Сообщаемъ этотъ важный документъ, не смотря на его строгую оцѣнку характера Пушкина, ссылаясь въ оправданіе на письмо поэта о Байронѣ, помѣщенное вслѣдъ за предисловіемъ къ нашей статьѣ. Излишне защищать и память Сергѣя Львовича Пушкина жившаго подобно всѣмъ нашимъ дѣдамъ, пробавляясь Вольтеромъ и одождаясь другъ у друга посудой во всѣхъ случаяхъ, выходящихъ изъ обыденнаго порядка.

Жизнь Пушкина была двойкая ¹⁾: жизнь поэта и жизнь человека. Биографическіе отрывки, которые мы о немъ имѣемъ, вышли всѣ изъ рукъ или его друзей, или слѣпыхъ поклонниковъ, или такихъ людей, которые смотрѣли на Пушкина черезъ призму его славы и даже если и знали что нибудь о моральной его жизни, то побоялись бы раскрыть ее предъ публикою, чтобы не быть побіенну литературными камнями. Я не только воспитывался съ Пушкинымъ въ лицей, но и жилъ еще съ нимъ лѣтъ пять подъ одною кровлею, въ томъ самомъ домѣ Трофимова, о которомъ говоритъ г. Бартенева, каждый при своихъ родителяхъ; потому зналъ его такъ коротко, какъ мало кто другой, хотя связь наша никогда не переходила за обыкновенную пріятельскую.

Начну съ того, что все семейство Пушкиныхъ было какое-то взбалмошное. Отецъ его былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ, на манеръ старинной француз-

¹⁾ Какъ то обыкновенно бываетъ со всѣми: здѣсь нѣтъ двойкости исключительно или особенно Пушкину принадлежащей.

ской школы, съ анекдотами и каламбурами, но въ существѣ человѣкомъ самымъ пустымъ, безтолковымъ, бесполезнымъ и особенно безмолвнымъ рабомъ своей жены. Послѣдняя была женщина неглупая, но эксцентрическая, вспыльчивая, до крайности разсѣянная и особенно чрезвычайно дурная хозяйка. Домъ ихъ представлялъ всегда какой-то хаосъ и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два-три лишнихъ, то всегда присылали къ намъ за приборами. Все это перешло и на дѣтей. Въ лицѣ Пушкинъ рѣшительно ничему не учился ²⁾; но какъ и тогда уже блисталъ своимъ дивнымъ талантомъ. Особенный кружокъ, въ которомъ Пушкинъ проводилъ свои досуги, состоялъ вполнѣ изъ л.-гусарскаго полка ³⁾. Вечеромъ, по-

²⁾ Кажется учился неосновательно, непослѣдовательно, а *рѣшительно ничему*—ужь слишкомъ сильно сказано. Онъ и тогда много читалъ, стало быть про себя все-таки учился.

³⁾ И въ гусарскомъ полку Пушкинъ не только *ныровалъ на распахку*, но сблизился и съ Чадаевымъ, который вовсе не былъ гулякою; не

слѣ классныхъ часовъ, когда прочіе бывали или у директора или въ другихъ семейныхъ домахъ, Пушкинъ, ненавидѣвшій всякое стѣсненіе, пироваль съ этими господами на распашку. По окончаніи курса выпустили его изъ лицея коллежскимъ секретаремъ—чинъ, который остался при немъ до могилы. Между товарищами, кромѣ стихотворцевъ, онъ не пользовался особенною пріязнью. Въ лицѣ его называли французомъ ⁴⁾; а если вспомнить, что онъ получилъ это прозваніе въ эпоху «нашествія Галловъ», то ясно, что этотъ ти-

знаю что бывало прежде, но со времени переезда семейства Карамзиныхъ въ Царское Село, онъ бывалъ у нихъ ежедневно по вечерамъ; а дружба его съ Ив. Пущинимъ?

⁴⁾ Если слылъ онъ *французомъ*, то вѣроятно потому, что по первоначальному домашнему воспитанію своему лучше другихъ товарищей своихъ говорилъ по французски, лучше зналъ французскую литературу, болѣе читалъ французскія книги, самъ писалъ французскіе стихи, и проч., но видѣть тутъ какое-нибудь политическое значеніе — есть предположеніе совершенно произвольное и которое въ лицѣ вѣроятно никому въ голову не приходило.

туль заключалъ въ себѣ мало лестнаго. Вспыльчивый до бѣшенства, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, съ необузданными африканскими страстями, избалованный издѣтства похвалою и льстецами ⁵⁾, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды ровной, систематической, скольконибудь связной—у него совсѣмъ не было, какъ не было и дара слова; были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какаянибудь внезапная поэтическая мысль, но все это лишь урывками, иногда, въ добрую минуту; большею же частію или тривіальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе ⁶⁾. Въ лицѣ оный превосходилъ всѣхъ

⁵⁾ Не думаю чтобы Пушкинъ былъ издѣтства избалованъ льстецами. Какіе могли быть тутъ льстецы?

⁶⁾ Былъ оный *вспыльчивъ*, легко раздраженъ—это правда; но совсѣмъ тѣмъ, оный, напротивъ, въ общемъ *обращеніи* своемъ, когда самолюбіе его не было задѣто—былъ особенно *любезенъ* и *привлекателенъ*, что и доказывается многочисленными пріятелями его. Бесѣды *систематической* можетъ быть и не было, но все прочее сказан-

въ чувственности, а послѣ въ свѣтѣ предался распутствамъ всѣхъ родовъ, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій⁷⁾). Должно дивиться, какъ и здоровье и талантъ его выдержали такой образъ жизни, съ которымъ естественно спрягались и частыя гнусныя болѣзни, низводившія его не разъ на край могилы. Пушкинъ не былъ созданъ ни для свѣта, ни для общественныхъ обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только двѣ стихіи: удовлетвореніе плотскимъ страстямъ и поэзія, и въ обоихъ онъ ушелъ далеко. Въ немъ не было ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ, и онъ полагалъ даже какое-то хвастовство въ отъявленномъ

ное о разговорѣ его—несправедливо или преувеличено. Во всякомъ случаѣ не было *тривиальныхъ общихъ мнѣній*: умъ его вообще былъ здравый и свѣтлый.

⁷⁾ Сколько мнѣ извѣстно, онъ вовсе не былъ преданъ распутствамъ всѣхъ родовъ. Не былъ монахомъ, а былъ грѣшенъ какъ и всѣ въ молодые года. Въ любви его преобладала вовсе не чувственность, а скорѣе поэтическое увлеченіе, что впрочемъ и отразилось въ поэзіи его.

цинизмъ по этой части: злая насмѣшка— часто въ самыхъ отвратительныхъ картинахъ — надъ всѣми религіозными вѣрованіями и обрядами, надъ уваженіемъ къ родителямъ, надъ родственными привязанностями, надъ всѣми отношеніями общественными и семейными—это было ему ни почемъ. Ни несчастіе, ни благотвореніе Императора Николая его не исправили: принимая одною рукою щедрые дары Монарха, онъ другою омокать перо для злобной эпиграммы ⁸⁾! Вѣчно безъ копѣйки, вѣчно въ долгахъ, иногда почти безъ порядочнаго фрака, съ безпрестанными исторіями, съ частыми дуэлями, въ близкомъ знакомствѣ со всѣми трактирами, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкинъ представлялъ типъ самаго грязнаго разврата. Было время, когда онъ получалъ отъ Смирдина по червонцу за стихъ; но эти червонцы скоро укатывались, а стихи, подъ которыми не стыдно бы было подписать имя Пушкина —единственная вещь, которою онъ дорожилъ въ мірѣ—

⁸⁾ Императору Николаю былъ онъ душевно преданъ.

сочинялись не всегда и не легко. Онъ писалъ только въ минуты вдохновенія. Женитьба нѣсколько его остепенила, но была пагубна для его генія. Прелестная жена, которая любила славу своего мужа болѣе для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ, предпочитала блескъ и бальную залу всей поэзи въ мірѣ, и—по странному противорѣчію—пользуясь всѣми плодами литературной извѣстности Пушкина, изподтишка немножко гнушалась тѣмъ, что она, свѣтская женщина *par excellence*, привязана къ мужу *homme de lettres*,—эта жена съ семейными и хозяйственными хлопотами привела къ Пушкину ревность и отогнала его музу⁹⁾.»

⁹⁾ Никакого особеннаго знакомства съ трактирами не было, и ничего трактирнаго въ немъ не было, а еще менѣе *грязнаго разврата*. Всѣ эти обвиненія не только несправедливая строгость, но и клевета. Жена его любила мужа вовсе не для *успѣховъ своихъ въ свѣтѣ* и нисколько не гнушалась тѣмъ, что была женою *d'un homme de lettres*. Въ ней вовсе не было чванства, да и по рожденію своему не принадлежала она высшему аристократическому кругу. Худо вѣрится, чтобы эта записка была составлена Корфомъ, а если его, то нельзя не дивиться, что при подобной оцѣнкѣ Пушкина взялся онъ за предсѣдательство въ комитетѣ о сооруженіи ему памятника.

IV.

Время съ 1822 по 1825 годъ.

Кн. П. А. Вяземскій пишетъ Тургеневу отъ 30 мая изъ Москвы (дуэли съ полковникомъ Старовымъ и молдаванскимъ Бальшемъ относятся къ 22 году; см. Рус. Арх. 1866 года):

«Вручитель этихъ строкъ Malcolm, шотландскій путешественникъ; онъ былъ мнѣ рекомендованъ изъ Варшавы и подтвердилъ собою хорошую рекомендацію. Приласкай его и познакомъ въ Петербургѣ. Ты меня совсѣмъ забылъ. Сдѣлай милость, высылай скорѣе красную книжку. Кишиневскій Пушкинъ ударилъ въ рожу одного боярина и драка на пистолетахъ съ однимъ полковникомъ, но безъ кровопролитія. Въ послѣднемъ случаѣ вель онъ

себя, сказываютъ, хорошо. Написалъ кучу прелестей: денегъ у него ни гроша. Кто въ Петербургѣ заботился о печатаніи его Людмилы? Вся-ли она распродана и нельзя-ли подумать о второмъ изданіи. Онъ, сказываютъ, пропадаетъ отъ тоски, скуки и нищеты. Прости.

«Братъ твой здоровъ. Получилъ-ли портретъ и грамматику и пустилъ-ли въ ходъ то и другое».

На письмѣ черная печать съ припиской:

«Не пугайся чернаго сургучу, другаго не попалось подъ руки, да и Пушкинъ такъ натвердилъ «Черную шаль».

Помѣщаемъ здѣсь письмо Михаила Ѳеодоровича Орлова къ кн. Вяземскому изъ Кіева, отъ 9 ноября 1822 года, характеризующее Орлова и опредѣляющее въ его глазахъ значеніе Пушкина:

«Любезный другъ, письмо твое съ изображеніемъ прелестной твоей жены я получилъ исправно и спѣшу тебѣ отвѣчать. Ждалъ тебя въ Крыму, въ Одессѣ—во всей Южной Россіи, а ты рыскалъ по сѣверу. Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ успѣю тебя захватить въ Москвѣ когда нынѣшній годъ туда явлюсь. Между тѣмъ посылаю

женѣ твоей, у коей цѣлую ручку, нѣсколько банокъ варенья кievскаго, уплачивая тѣмъ старый мой долгъ и замазывая тебѣ сахаромъ ротъ за всѣ твои упреки.

«Присемъ слѣдуетъ также большое письмо отъ Пушкина, разбраненнаго тобою. Я не знаю что онъ къ тебѣ пишетъ, но этотъ молодой человекъ сдѣлаетъ много чести русской словесности. Кавказскій Плѣнникъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прелестенъ, и даже послѣдніе стихи похожи нѣсколько на сочиненіе поэта лауреата (lauréat), и можно ихъ простить за красоты общаго.

«Дѣло мое идетъ и продолжается: чужіе края и отечество наполнились странными слухами, и посреди общаго вранья трудно постичь настоящій ходъ дѣла. Объ ономъ я распространяться не буду, но вообрази себѣ собраніе глупой черни, смотрящей на воздушный шаръ. Одни говорятъ—это чортъ летитъ, другіе—это явленіе въ небѣ, третьи—чудеса, и пр., и пр. Спускается баллонъ, и чтожь? Холстина надутая газомъ. Вотъ все мое дѣло. Когда шаръ спустится, вы сами удивитесь что такъ много обо мнѣ говорили. Впрочемъ все сіе дѣло меня крѣпко ожесточило и тронуло до край-

ности. Ежели я достигъ равнодушія, то чрезъ сильную борьбу. Теперь я спокоенъ, и надѣюсь что тѣ, кои съ перваго маха хотѣли меня сбить съ ногъ, ушиблись сами о меня и кусаютъ себѣ пальцы. Прощай, любезный Асмодей, до свиданія.

«P. S. По повѣркѣ нашлось, что сахарной замазки не посылаю на сей разъ, но пошлю на будущій. Прощай».

Характеристично для исторіи развитія нашего журнализма письмо кн. Петра Андреевича, писанное 25-го февраля 1824 года Воейкову или Дельвигу, сохранившееся въ копіи въ бумагахъ Жуковскаго:

«Еще до получения твоего письма собирался я взнести тебѣ часть оброчной суммы на текущій годъ. О первыхъ двухъ письмахъ твоихъ слышу въ первый разъ. За что мнѣ на тебя гнѣваться? По неволѣ скуплюсь стихами своими: будешь скупъ, какъ ничего нѣтъ, а цензура и послѣднее отнимаетъ. Спасибо за описаніе литературнаго вашего миролюбія. Дайте срокъ! *C'est de Moscou aujourd'hui que vous viendra la lumière*». «Фонтанъ» брызнетъ на васъ поэзією! Я готовлю къ нему родъ предисловія, разговора *facétie*:

не знаю удастся ли? Послѣ будетъ мнѣ можно; а болѣе всего дожидаю прока отъ журнала Раича, если позволять ему издавать его. Ваша петербургская проза тоща до крайности. Да и какъ вы всѣ лѣнны! Скажемъ правду, будто Гречь и ты журналисты: вы компиляторы текущихъ бездѣлоевъ. Вы не даете насущнаго хлѣба, а кормите сухарями. Кажется Ривароль говоритъ о Мирабо, что главное въ немъ достоинство было *qu'il écrivoit et parloit sur des objets palpitants de l'interêt du moment*. Вотъ правило, коему долженъ слѣдовать журналистъ. А у васъ никогда не дождемся этого трепетанія. Одинъ Измайловъ иногда захватываетъ природу на дѣлѣ, да и то когда ее проносить съ верьха и низа. Конечно, времена не благопріятствуютъ большой живости, но послѣдуемъ первому, который и въ навозѣ копышется. Надобно напугать Красовскаго съ братією дѣятельностію и рваться предъ ними, и что ихъ дураковъ тѣшить и добровольно засыпать подъ ихъ баюканье? Вода хлещетъ и подмываетъ съ ревомъ и яростію плотину, преграждающую ея естественное теченіе, а не цѣ-

луется ее покорными и безголосными струями. Плотицу поставили, за то и держись плотина!.. Ужъ если пошло дѣло на брань, то побраню тебя и за твое шарлатанство и гостинодворничество! Что за охота выставлять старый товаръ за новый? Кого обманешь? Да и на что подставлять бедро справедливымъ уликамъ? Мало ли говорено было о томъ, что ты перепечатаешь старье, а ты все не уймешься. Ужъ изъ Дамскаго Журнала вытаскиваешь ты меня! Пожалуй подумаютъ иные, что я самъ, какъ Хвостовъ, суюсь изъ угла въ уголъ. Воля твоя, не хорошо! Зачѣмъ не выдаешь ты листовъ своихъ въ книжкахъ? Все бы лучше, а теперь какъ ни дѣлай, но не убережешься, чтобъ ихъ не расхватили на завитки, на закуриваніе трубокъ и еще...

Но Боже упаси того!

«Что за подогрѣтый разборъ Дмитріева; и меня также отрѣзалъ ты, какъ часть телятины, да и выставилъ цѣликомъ! Охота тѣшить Булгариныхъ, Каченовскихъ, и напрашиваться на ихъ тупое остріе.

«У меня болѣе мѣсяца лежитъ на столѣ это письмо и листъ стиховъ для тебя, но

иные стихи хочется исправить, а въ этомъ и запятая. Сдѣланный стихъ никакъ въ переработку нейдетъ. Пока посылаю кое-что на зубокъ.

«Прости. Можетъ быть со временемъ буду присылать тебѣ изрядныя статьи, подъ названіемъ: *Сыщикъ*, въ коихъ буду выводить на свѣжую воду наши глупости, журнальныя, нравственныя, и проч., и проч.

«Скажи Жуковскому, что его виды Павловска мало-по-малу идутъ въ ходъ

«Палеологовъ его также снаряжаю. Обнимаю его».

Отъ 9-го сентября 1824 гѳда кв. Н. А. Вяземскій пишетъ Жуковскому по издательскимъ дѣламъ своихъ друзей:

«Ты вѣроятно знаешь, что Ольдекопъ перепечаталъ незаконно поэму Кавказскаго Плѣнника, что Сергѣй Львовичъ протестовалъ, что продажа была остановлена, и проч. Теперь прислали въ Москву на продажу. Я писалъ о томъ Шаликову, который говорилъ Ширяеву, который сказалъ, что Сергѣй Львовичъ сдѣлался съ Ольдекопомъ и позволилъ ему продавать свое изданіе. Узнай, сдѣлай милость, сей-

часъ отъ Сергѣя Львовича, правда ли это? Если же нѣтъ, то пусть онъ немедленно напишетъ мнѣ предьявительное письмо, которымъ я воспользуюсь для удержанія продажи. Не надобно же дать грабить Пушкина. Довольно и того что его давятъ. Если Сергѣя Львовича нѣтъ въ Петербургѣ, ни сына его Льва, то ты можешь узнать о дѣлѣ отъ Гнѣдича, или Плетнева, и тотчасъ отписалъ (бы) мнѣ, а я черезъ Оболенскаго все могу предварительно остановить продажу. Такъ какъ это дѣло ни мое и ни твое, то надѣюсь, что нечего погонять тебя, и я увѣренъ, что ты тотчасъ все сдѣлаешь исправно. Не забудь, что почта ходитъ теперь ежедневно въ Москву. Тебѣ Тургеневъ далъ 1.200 рублей отъ меня. Вотъ наши съ тобою счеты: слушай! Отъ тебя прислано мнѣ 50 Павловскихъ видовъ по 15 рублей тетрадка; продано 39 экземпляровъ, выручено 515 рублей (между прочимъ г. Бобринская за 5 экземпляровъ дала 150 рублей), слѣдовательно у меня остается 11 экземпляровъ. Твоихъ сочиненій прислано мнѣ 270 экземпляровъ, продано мною 31 экземпляръ, выручено 775 рублей

остальные 239 экземпляровъ отданы Ши-
ряеву въ лавку. У меня твоихъ денегъ
515 Павловскіе виды
775 Сочиненія

Всего 1,290

«Стало за мною еще твоихъ 90 рублей, которые отдамъ Тургеневу, или кому хочешь, или пришлю, или что куплю: табаку турецкаго, чаю, дѣвку, только тогда вышли мнѣ еще рублей 60, потому что менѣе 150 рублей здѣсь не достанешь, и то уже поѣзжаную, а если съ иглочки то 200 рублей.—Что ты дѣлаешь, злодѣй? Я не могу простить тебѣ твое молчаніе о Байронѣ? За то мнѣ на дняхъ показывали несчастные стихи на смерть Кутузовой увѣряя что они твои. Я промолчалъ! Ничто тебѣ! Я получилъ отъ Гагарина изъ Парижа новую Messeniennes Делавинья на смерть Байрона. Отдалъ ее переписывать и пришлю Карамзину. Прелестъ! Есть два-три мѣста восхитительны. А у насъ одинъ Кюхельбекеръ провѣлъ на его могилѣ. А отъ тебя и Пушкина не могъ и добиться. Странные вы люди. Да будь я поэтъ, а не стихотворецъ, то я

почти обрадовался бы смерти Байрона, какъ поэтическому кладу брошенному съ неба на прозаическую лощину нашего су- хаго вѣка. Байронъ владѣлъ не только умозрительною поэзіею, но онъ осуществилъ и практическую поэзію. Наполеонъ на скалѣ св. Елены и Байронъ въ Миссолунги! Вотъ два поэтическіе фarosа, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какая-то религіозная таинствен- ность, т.-е. религія не поповской, а той, которая была составлена изъ философіи и поэзіи. Въ ихъ смерти отзывается что-то такое смертію Эдипа. Прахъ сихъ двухъ великихъ людей долженъ былъ быть при- нятъ дѣвственною землею, еще чистою отъ прикосновенія того, что можетъ на- зваться *инилію Европейскою*, въ виду на- туры еще *не упраздненной*. Кстати! Кажется стихъ Шиллера можно бы выразить по русски такъ: *Упраздненныя небеса*. Во- ля ваша, нашъ языкъ совсѣмъ не смѣлъ. Не говоря уже о нѣмецкомъ, который своеволенъ, но и самый французскій дер- заетъ болѣе нашего. Оставь французскихъ романтиковъ, какъ испытателей еще не- обдержавшихся, возьми въ одномъ родѣ

Монтаня, въ другомъ Боссюета авес са воіхъ qui тоібе, Расина съ своими собаками, да у насъ затравятъ собаками, т.-е. Каченовскими, да по несчастію и Карамзины и Блудовы къ нимъ пристанутъ, чтобы заѣсть смѣльчака, который позволить себѣ такія дерзости и deboшества.

«Пишете-ли вы-съ чтонибудь новенькое, Василій Андреевичъ? Муза ваша давно молчитъ. Что ты даешь въ Полярную? Что въ Сѣверные Цвѣты? Скажите Дельвигу, что я на дняхъ ему пришлю свой оброкъ.

«Прости. Обнимаю всею душею. Ожидаю на дняхъ жену и дѣтей. Пришли же мнѣ скорѣе отвѣтъ о Кавказскомъ Шлѣннигѣ».

Въ то время какъ кн. П. А. съ усердіемъ и самоотверженіемъ занимался изданіемъ поэмъ Пушкина и сплоченіемъ разсѣянныхъ публицистическихъ силъ подъ знаменемъ Карамзина и Пушкина, послѣдній продолжалъ поднимать исторіи принуждая людей уважать его какъ геніальнаго поэта, родовитаго дворянина и утонченнаго свѣтскаго человѣка, или клеймя въсокомѣрныхъ недоброжелателей язви-

тельными эпиграммами и сарказмами.— Глубоко оскорбленъ былъ Пушкинъ предложениемъ принять участіе въ экспедиціи противъ саранчи. Въ этомъ предложении новороссійскаго генераль-губернатора онъ увидалъ злѣйшую иронию надъ поэтомъ-сатирикомъ, приниженіе честолюбиваго дворянина, и вѣроятно паче всего одураченіе ловеласа подготовившаго свое торжество. Разстройство любовныхъ плановъ Пушкина долго отзывалось черченіемъ на черновыхъ бумагахъ женскаго изящнаго римскаго профиля, въ элегантномъ классическомъ головномъ уборѣ, съ представительной рюшью на шеѣ.

Отъ 7-го іюня 1824 года, кн. П. А. пишетъ Жуковскому, что и онъ получилъ извѣстія изъ Одессы о дѣлѣ Пушкина, не совсѣмъ однако согласныя съ сообщаемыми имъ извѣстіями: «Пишутъ что Пушкинъ снова напроказничалъ, вслѣдствіе чего проситъ объ отставкѣ, но навѣрное ее не получить. Пишутъ что нельзя не сожалѣть Пушкина, но что онъ кругомъ виноватъ: рѣдко встрѣтишь такую вѣтренность и такую наклонность къ злословію; сердце у него доброе, но онъ очень склоненъ къ мизан-

тропіи, онъ избѣгаетъ не общества, но людей, которыхъ боится; это объясняютъ его несчастіями и отношеніями къ нему родителей». Передавая эти извѣстія, кн. П. А. присовокупляетъ: «Разумѣется, будь остороженъ съ этими выписками, но видно дѣло такъ повернули что онъ не просится: это не ясно! Грѣшно, если и надъ нимъ уже промышляютъ и лукавятъ. Сдѣлай одолженіе попроси Северина устроить что можно къ лучшему. Онъ его кажется не очень любитъ, тѣмъ болѣе долженъ стараться спасти его; къ тому же вѣрно уважаетъ его дарованіе, а дарованія не только держава, но и добродѣтель».

Л. С. Пушкинъ по пріѣздѣ изъ Михайловскаго, видимо пораженный распротраненными даже въ дружескихъ кружкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ неблагопріятными для брата слухами, объ удаленіи брата изъ Одессы, пишетъ кн. Вяземскому въ январѣ 1825 года, нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя по заточеніи Пушкина въ Михайловское. Вѣроятно Левъ Сергѣевичъ замѣтилъ у Карамзиныхъ (гдѣ онъ читалъ наизусть стихи брата въ концѣ 24 года), что свѣдѣнія имѣющіяся у моего отца

не вполне благоприятны для его брата по одесскимъ дѣламъ и могутъ повліять на друзей и въ отношеніи столкновенія Пушкина съ отцемъ его, что онъ и подразумеваетъ подъ прочими ложными слухами, которые могли бы и не расходиться.

«Не зная адреса Кюхельбекера—пишетъ Левъ Сергѣевичъ—я осмѣливаюсь обезпечить васъ, почтеннѣйшій князь, просьбою доставить ему приложенное письмо, и воспользоваться симъ случаемъ, чтобы поговорить съ вами о братѣ. Я не считаю сіе лишнимъ, ибо по Москвѣ ходятъ о томъ извѣстія, дошедшія и къ намъ, которыя столь же ложны, сколько могутъ быть для него вредны. Причина его ссылки, довольно жестокой и несправедливой мѣры Правительства, вамъ можетъ быть не совершенно извѣстна; вотъ она: Велѣдствіе мелочныхъ частныхъ неудовольствій и дѣлъ съ братомъ, Воронцовъ требовалъ его удаленія, какъ челоука вреднаго для общества (не говорю о прижимкахъ—vexations которыя онъ дѣлалъ брату въ Одессѣ). Въ то время братъ подалъ въ отставку, но бумага Воронцова

его предупредила ¹⁾ — сослать его въ деревню подъ надзоръ Правительства съ за-
прещеніемъ въѣзжать даже и въ уѣздные
города, говоря что онъ для того такъ
поступаетъ, чтобы не быть принужден-
нымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строжай-
шимъ (?). Вотъ его исторія, безъ подроб-
ностей, но вѣрная. Я видѣлъ всѣ пред-
писанія и бумаги начальства. — Оставляю
вамъ, князь, судить о его положеніи. —
Что же касается до прочихъ слуховъ, ко-
торые могли бы и не расходиться, то вѣрь-
те, что они большею частію совершенно
ложны или по крайней мѣрѣ увеличены.
Одна только обида осталась у насъ еще
на сердцѣ: *Шаликовъ осквернилъ могилу
моей бѣдной тетки* ²⁾).

«Вы скоро увидите печатанную первую
главу Онѣгина, которую цензура, сверхъ
всякаго чаянія, пропустила. Въ одномъ
изъ примѣчаній присоединенныхъ къ Онѣ-
гину было мѣсто убійственное для Ва-

¹⁾ Письмо подмочено, вслѣдствіе чего нѣсколько
словъ нельзя прочесть.

²⁾ Подчеркнутыя слова выражены по француз-
ски и съ неприличной опредѣленностью.

силыя Львовича; мѣ очень хотѣлось сохрaнить его, но брагъ, какъ добрый племянникъ, его выпустилъ—а жаль.

«Простите меня, почтеннѣйшій князь, если я отнялъ у васъ нѣсколько минутъ моею болтливостію, и вѣрьте искренной преданности вашего покорнаго слуги».

Къ заступничеству Карамзина кн. Вяземскій кажется не обращался. Карамзинъ долженъ былъ быть раздраженъ на Пушкина за то, что онъ скомпрометировалъ его заступничество въ двадцатомъ году, хотя самъ Карамзинъ пишетъ, что Пушкинъ ему тогда далъ обѣщаніе вести себя хорошо въ теченіе двухъ лѣтъ.—Карамзинъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву положительно говоритъ, что Пушкинъ былъ прощенъ до отправления къ Инзову, что видно и изъ разрѣшенія Пушкину ѣхать съ Раевскими на Кавказъ.

Отъ 2-го декабря 1824 года Н. М. Карамзинъ пишетъ къ Вяземскому: «Вчера молодой Пушкинъ читалъ намъ наизусть *цыганскую* поэмку брата и нѣчто изъ Онѣгина: живо, остроумно, но не совсѣмъ зрѣло; отъ Пушкина къ Байрону: его Донъ-

Жуанъ выпалъ у меня изъ рукъ: что за мерзость! И даже сколько глупостей».

Это единственное упоминаніе о Пушкинѣ въ письмахъ Н. М. Карамзина въ теченіе 1824 года, сохранявшихся моимъ покойнымъ отцомъ.

В. А. Жуковскій пишетъ Тургеневу изъ Петербурга отъ 22-го ноября по поводу столѣновенія въ Михайловскомъ между отцомъ и сыномъ, вслѣдствіе порученія Александра Сергѣевича родительскому надзору:

«Слухи дошедшіе до васъ о Сверчкѣ ¹⁾ пустые: онъ въ деревнѣ по прежнему. Но едва не надѣлалъ глупостей, которыя кажутся имѣть слѣдствій не будутъ. Я получилъ отъ него письмо, которое-было меня очень взбудоражило; но братъ его пріѣздомъ своимъ меня успокоилъ. Я отвѣчалъ ему, и жду отъ него увѣдомленія. Отецъ пріѣхалъ въ Петербургъ вчера. Я еще съ нимъ не видался; но и онъ съ своей стороны кажется дѣлаетъ ребяческія глупости: хочу ему прочесть проповѣдь, на которую я приглашу его къ себѣ.

¹⁾ Прозвище Пушкина въ «Арзамасѣ».

Бѣдъ никакихъ не случилось; но могли бы случиться—разскажу при свиданіи. У меня деньги есть въ сборѣ, но еще не сдѣлалъ изъ нихъ употребленія: жду хорошаго случая; по мелочамъ не намѣренъ раздавать. Обними брата, Вяземскаго и Жихарева».

«25. Нынче буду у С. Л., знаю только навѣрное, что ничего не случилось. Скажи объ этомъ Вяземскому».

Кн. Петръ Андреевичъ пишетъ отъ 10 іюля 1825, изъ Ревеля: «Иду обѣдать въ Пушкинымъ, дочь (Ольга Сергѣевна) именинница и нездорова. Она очень мила и напоминаетъ брата, отъ котораго получалъ вчера письмо. Онъ отпущенъ въ Псковъ для лѣченія своего аневризма, но не знаютъ повѣдетъ ли; мать кажется еще просила Государя, чтобы отпустили его въ Ригу, гдѣ есть хорошій докторъ».

Отъ 1-го августа изъ Ревеля: «Я получилъ письмо отъ ссылочнаго Пушкина: онъ кажется довольно доволенъ позволеніемъ ѣхать въ Псковъ, и имѣетъ уже тамъ на примѣтѣ оператора».

Отъ 28-го того же мѣсяца, изъ Царскаго Села: «Жуковскій получилъ письмо

отъ ея брата, гораздо въ лучшемъ духѣ, чѣмъ то, которое она (Ольга Сергѣевна) получила. Онъ соглашается ѣхать въ Псковъ, и кажется все будетъ устроено. Покажи ей мое письмо, но на всякій случай не при родителяхъ, которые можетъ быть не знали, что Пушкинъ не хочетъ ѣхать въ Псковъ».

Въ бумагахъ кн. Вяземскаго сохранилась первоначальная редакція посланія къ Ольгѣ Сергѣевнѣ Пушкиной, 12 августа 1825 года, во время ея пребыванія въ Ревелѣ. Двѣ послѣднія строфы представляютъ нѣсколько вариантовъ отъ текста напечатаннаго въ изд. 1880, ССХХVIII; и въ «Сѣверн. Цвѣтахъ» 1827 года:

Его удѣлъ: блескъ славы горделивой,
Сяющей изъ лона бурныхъ тучъ,
И отъ нея надетъ блестящій лучъ
На жребій твой смиренной, но счастливой—
Но ты ему спасительнѣе будь (еще полезнѣй).

Свѣти ему звѣздою безмятежной!
И въ бурной мглѣ участвомъ дружбы нѣжной
Вливай покой въ растерзанную грудь
(тоскующую, томящуюся).

Варианты въ скобкахъ помѣщены также въ скобкахъ и въ подлинникѣ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что всѣ исторiи возбуждаемыя раздражительнымъ характеромъ Пушкина, его вспыльчивостью и гордостью, не выходили бы изъ ряда весьма обыкновенныхъ, если бы не было вокругъ него столько людей, горячо заботившихся о его участи. Свѣдѣнiя о каждомъ его шагѣ сообщались во всѣ концы Россiи; Пушкинъ такъ умѣлъ обстанавливать свои выходки; что на первыхъ порахъ самые лучшiе его друзья приходили въ ужасъ и распускали вѣсти подъ этимъ первымъ впечатлѣнiемъ. Благодаря таланту своему, Пушкинъ смолоду былъ близокъ людямъ состарившимся: Карамзинъ, Дмитрiевъ, Жуковскiй, Тургеневъ—всѣ весьма склонны строго судить шалости, особенно имѣвшiя ухорскiй характеръ; среда эта по своимъ вкусамъ, традициямъ и убѣжденiямъ была вполне буржуазная: порядочность, законность были высшими идеалами карамзинскаго кружка.

Нѣтъ сомнѣнiя, что Пушкинъ производилъ и смолоду впечатлѣнiе на Россiю

не однимъ своимъ поэтическимъ талантомъ. Его выходы много содѣйствовали его популярности и самая загадочность его характера обращала вниманіе на человека, отъ котораго всегда можно было ожидать неожиданное. Помѣщаемъ здѣсь протестъ князя П. А. Вяземскаго на имя А. И. Тургенева, протестъ, писанный въ эту эпоху и который слѣдовало бы скорѣе ожидать отъ Пушкина:

«Гдѣ имѣеть засѣданія свои комитетъ попеченія о цыганахъ и тѣхъ, кои ихъ слушаютъ? На одномъ ли основаніи устроенъ этотъ комитетъ, какъ тотъ, который нѣкогда образованъ былъ въ пользу жидовъ, и въ такомъ случаѣ можно ли ожидать, что послѣдній принесетъ столько же пользы, какъ и первый?»

«При семъ желается узнать, какое понятіе имѣють господа засѣдающіе о бѣдственномъ вліяніи цыганскаго голоса на нравственность людей? Гдѣ гнѣздо, гдѣ улей сплетней, составляемыхъ на мой счетъ въ столичномъ городѣ Петра? Кто пл. .ица, кто matka-пчелка, которая разноситъ обо мнѣ сей дружественный медъ?»

«Хорошо ли вмѣшиваться въ дѣла се-

мейныя? По чистому побужденію—согла-сенъ, но (не) толкамъ городскимъ, суждені-ямъ старыхъ бабъ обоого пола? Хорошо ли было встревожить Карамзиныхъ на счетъ чело-вѣка, коего они любятъ горячо, не предваривъ прежде этого чело-вѣка, уже не малолѣтнаго? Дружба хороша, но если она при слабоуміи, то можетъ въ иной часъ наутить болѣе непріятностей, чѣмъ сама непріязнь. Зная мой характеръ гру-той, малосносный, не должно ли было пред-положить и ту возможность, что укори-зы Карамзиныхъ по дѣлу *несправедливому* и во всякомъ случаѣ *пустому*, хотя бы и справедли-вому, подѣйствуетъ на меня однимъ раздражительнымъ образомъ? Что тогда сказали бы эти попечительные друзья?

«Позволительно ли изъ шалостей случай-ныхъ, не имѣющихъ никакой связи съ жиз-нью, не имѣющихъ на нее и на все, что есть въ ней высокаго—никакого обратнаго дѣйствія, составить себѣ о чело-вѣкѣ мнѣніе постоянное, исключительное? Одно изъ двухъ: Или чело-вѣкъ этотъ пошлый, и вся-кое заблужденіе, всякое отступленіе отъ казенной дороги *оффициальной морали*

можетъ вовлечь его въ бездну гибели и разврата—и тогда не стоитъ онъ чтобы о немъ заботились и туда ему и дорога! Или этотъ человѣкъ не совсѣмъ *дюжинный*, и тогда зачѣмъ же добровольнымъ судьямъ его присваивать себѣ права какихъ нибудь *тріумвировъ* и безъ аппеляціи оуждать его, ставить себя его выше и выставлать свои мнѣнія за приговоры мудрости воплощенной? Положимъ, что иные поступки, инья слабости въ пріятеляхъ моихъ и кажутся мнѣ предосудительными, но хорошо ли сдѣлаю, если пойду трезвонить о нихъ на городскихъ колокольняхъ? И составлю хоръ, единогласный съ городскими кумами и за одно буду ругать изъ дружбы того, котораго другіе ругаютъ изъ злости? Можно ли нѣкоторымъ моральнымъ б. н. д. . . мъ судить безпристрастно о положеніяхъ того, который еще въ цвѣтѣ силы и въ пылу? Не будетъ ли для нихъ всякая примѣта въ немъ доказательствомъ пріапізма.

«Да откуда выскочилъ этотъ консилиумъ? Не всѣ ли мы изъ одного *гошпиталя неизлѣчимыхъ*, хотя подверженные различнымъ болѣзнямъ? Кто изъ насъ не тро-

нуть недугомъ? Что даетъ право считать себя здоровѣе сосѣда.

«Тутъ право нѣтъ личности, ибо точно не могу придумать, кто могъ наблѣвать обо мнѣ столько вздора, знаю только что это отрыжка пріятельская. Не сержусь на слабый желудокъ того, который не могъ переварить пищи ему несвойственной; но прошу его, тебя и всѣхъ васъ впередъ изъясниться сперва со мною а не бить тревоги на мой счетъ у Карамзиныхъ. Право, это не дѣло, а все таки сплетни. Вообще не люблю опекунства и не имѣю въ немъ нужды: я прошелъ уже лѣта испытаній. Бытіе мое, характеръ, получили свой образъ. Если вамъ этотъ образъ не нравится, то между нами дружбы быть не можетъ, ибо не будетъ съ вашей стороны уваженія ко мнѣ; если вы думаете, что нѣкоторыя черты этого образа стереться могутъ и дать мѣсто дикимъ наростамъ, то опять нѣтъ уваженія, или есть въ васъ большое легкомысліе. Впрочемъ, не знаю по чести, о чемъ тутъ говорить. Съ тѣхъ поръ, что знаю себя—вѣдь я всегда одинъ родъ жизни. Не веду себя всегда по казенному

образцу, позволяю себѣ иное, можетъ быть и многое, но не въ ущербъ чести и совѣсти. Не думаю отстунать отъ обязанностей своихъ, ибо не всюду сую своихъ обязанностей. Кончу тѣмъ, что друзьямъ не должно надоѣдать, а мнѣ вы опекунствомъ своимъ надоѣдите. Разумѣется, бываютъ случаи, въ которые другъ долженъ сказать истину другу, горькую и рѣзкую, не смотря на то какъ онъ ее приметъ; но эти заговоры дружбы по поводу пѣсней цыганскихъ—нелѣпы и смѣшны. Досадны мнѣ они только потому, что ваши голоса сливаются въ слухѣ моемъ съ голосами московскихъ бригадиръ-бригадиршъ, и что мнѣніе ихъ вмѣсто того, чтобы пересилено быть вашимъ обо мнѣ—напротивъ перетянуло и васъ.

«Сдѣлай милость, давай знать что дѣлается съ моею бумагою въ Г. У. П. Право за это можно мнѣ извинить, что я въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ выслушалъ разъ пять или шесть цыганскія пѣсни. За то отъ меня пробилъ цыганскій потъ у другихъ.

«Прости. Я нарочно давно не писалъ къ тебѣ, ибо во мнѣ еще кипѣла—право не

досада на васъ, а скука отъ васъ. Теперь она начинаетъ остывать, и обнимаю тебя по старому».

Этимъ протестомъ заканчивается рядъ документовъ, сообщаемыхъ мною о невзгодахъ постигшихъ Пушкина до его вызова въ Москву въ 1826 году.

